

6.2013 ноябрь-декабрь

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

У последней черты: ответ на вызов _____ 6

Грани катастрофы

Андрей Ранчин

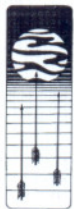
Наши достижения _____ 26

Ресурсы нации

Олег Александров

Многовековой путь России в Арктику _____ 50

Пути духовных исканий

Евгений Каменев

Понятие закон в мировоззрении
декабристов _____ 74

22 а 666654
6528

Ярлыки и мифы

Андрей Каравашкин

Иван Тимофеев:
история и риторика _____ 106

Россия в мире

Ольга Павловская

Национальная самоидентификация:
опыт немецких принцесс —
будущих русских императриц
в российском обществе _____ 126

Страницы истории

Эдуард Костяев

Худой мир лучше доброй ссоры.
Оборонческий альянс Г.В.Плеханова
и А.Н.Потресова в годы Первой
мировой войны _____ 150

Наталья Кулешова

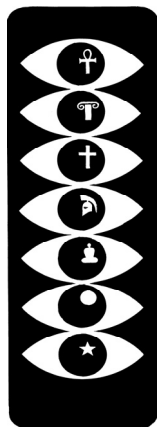
Борьба за «вечный мир»
в годы Первой мировой войны:
большевики против
«демократов» _____ 168

РОССИЯ XXI

Contents in English look at the page 192

РОС. НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
С.-Петербург

Эдуард Костяев

ХУДОЙ МИР ЛУЧШЕ ДОБРОЙ ССОРЫ:

**ОБОРОНЧЕСКИЙ АЛЬЯНС
Г.В.ПЛЕХАНОВА И А.Н.ПОТРЕСОВА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
93/94

In the article there is a detailed analysis of an event in beginning of the XX century of the conflict between “the father of Russian marxism” and the founder of the Russian social democracy G.V.Plekhanov with one of leaders of the Russian Menshevism – A.N.Potresov, and also overcoming of this conflict in 1917–1918 on the basis of divided both figures of a “defensist” platform in relation to the First world war contains. A reconciliation between these leaders promoted to the formation during this period of “defensist” alliance in structure of Plekhanov, Potresov and their adherents.

Ключевые слова: Плеханов; Потресов; Первая мировая война; социал-демократия; меньшевизм; «оборончество».

Key words: Plekhanov; Potresov; World War I; Social democracy; Menshevism; “defensism”.

E-mail: edikost@bk.ru

Одной из актуальных проблем политической жизни современного российского общества является предвыборное или иное объединение представителей различных политических сил ради достижения каких-либо общих целей. Каждый раз, когда в современной России бушуют предвыборные страсти, всплывает на поверхность и начинает активно обсуждаться возможность и необходимость создания подобных блоков. Например, совсем недавно такие разговоры ходили применительно к возможному сотрудничеству между КПРФ и «Справедливой Россией». Однако нередко планы по созданию подобных альянсов так и остаются только планами. Причинами их фиаско являются не только несовершенство или полное отсутствие соответствующего законодательства. В первую очередь, это личные амбиции политических лидеров, не желающих расставаться со статусом единственного руководителя своей партии или организации и становиться внутри какого-либо блока всего лишь «одним из». Также среди причин неудач формирования таких блоков нередко встречается и личная неприязнь между политическими лидерами, пусть даже исповедующими одну и ту же или близкую идеологию, их неготовность вести с другими политиками уважительный диалог на равных. Пример же того, как два не симпатизировавших друг другу, но стоявших на схожих позициях по отношению к Первой мировой войне выдающихся деятели российской социал-демократии сумели переступить через личную неприязнь и заключить в 1917 году «оборонческий» альянс, олицетворяют в нашей истории Георгий Валентинович Плеханов и Александр Николаевич Потресов.

Путь к формированию этого альянса был долгим и трудным. В июле 1917 г. состоялось Собрание делегатов Всероссийской социал-демократической организации «Единство», руководимой Плехановым, в своих резолюциях призывавшей меньшевиков-оборонцев порвать с представителями антиоборонческой части партии, чьи взгляды расходились с решениями II Интернационала, который считал необходимым для пролетариата «защитить свою страну в том случае, если она подвергнется нападению». Предлагалось совместно с «единцами» создать «обширный социал-демократический союз для откровенной последовательной и планомерной защиты принципов Второго Интернационала»¹. Такой призыв стал определенной неожиданностью. Правда, Плеханов так и не

¹ *Меньшевики в 1917 году / Под общ. ред. З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона. М., 1995. Т.2. С.797.*

смог в 1917 году полностью избавиться от некоторой неприязни к Потресову, отношение которого к мировой войне на всем ее протяжении мало чем отличалось от плехановского.

Плеханов «вел себя во всем этом деле, как свинья...»

Разрыв их отношений едва не произошёл ещё в 1900 году, когда в швейцарском Корсье проходили переговоры Ленина и Потресова с руководителем группы «Освобождение труда»

о проектировавшихся тогда социал-демократических изданиях – журнале «Заря» и газете «Искра». В ходе переговоров Плеханов недвусмысленно продемонстрировал желание самовластно распоряжаться в новом предприятии и играть в этих изданиях руководящую роль, не считаясь с мнением даже ближайших единомышленников. Такие его настроения больно задели Ленина и Потресова, вызвали у них резкое отторжение, а у Александра Николаевича после такой «нравственной бани» вырвалось заявление, что «личные отношения с Плехановым он считает теперь раз навсегда прерванными и никогда не возобновит их...». Предотвратить нависший разрыв тогда с огромным трудом удалось лишь давней соратнице Георгия Валентиновича Вере Засулич, которая оказывала на конфликтовавшие стороны «умиряющее влияние»².

Позже Плеханов не мог простить Потресову его бывшего «ликвидаторства», а в особенности – содержания статьи, помещенной в широко известном издании³. По мнению Плеханова, основное внимание в этой работе Потресов уделил «легальному марксизму» Струве и его единомышленников, принизив, как казалось Георгию Валентиновичу, роль марксизма подпольного, олицетворявшегося тогда в России группой «Освобождение труда». По данной причине «творение» Потресова он посчитал «изменой марксизму»⁴ и заявил об отказе работать в одном издании с Потресовым. «Я знаю, – писал Плеханов, – что это поведет к большим неудобствам. Но я в этом не виноват. Да к тому же главное неудобство состоит не в том, что я отказываюсь от участия в пятитомни-

² Потресов А.Н. Избранное. М., 2002. С.412.

³ Потресов А.Н. Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху // Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л.Мартова, П.Маслова, А.Потресова. СПб., 1909. Т.1.

⁴ Переписка Г.В.Плеханова и П.Б.Аксельрода. М., 1925. Т.2. С.274.

ке, а в том что А[лександр] Н[иколаевич] пришел к взглядам, которые равносильны бернштейнианскому равнодушию к теории. Это даже не неудобство, а целое *несчастье*. Но я вижу, что оно неисправимо, и думаю, что отныне мне выступать рядом с А[лександром] Н[иколаевичем] неудобно...»⁵. Мартов сообщил Потресову об отказе Георгия Валентиновича принимать участие в издании многотомника. И добавил, что написал Плеханову большое письмо, «в котором изложил все, что думал, о морали сей истории, кроме разве того, что он вел себя во всем этом деле, как свинья...». Произшедшее Юлий Осипович назвал трагикомедией и выразил надежду на раскаяние Плеханова, причиной поведения которого в сложившейся ситуации являлась, по мнению Мартова, «какая-то неизлечимая "болезнь великого человека"»⁶.

Несмотря на участие авторитетных лидеров меньшевизма⁷ в переговорах с Плехановым (октябрь–декабрь 1908 г.), спор продолжал разрастаться и углубляться. «Устраивали совместные конференции, на которых посредники пытались получить от Плеханова конкретную формулировку его обвинений против Потресова, – писал меньшевистский историк Борис Николаевский. – Плеханов сам переживал конфликт в высшей степени тяжело. На одном из совещаний он упал в глубокий обморок, после которого он должен был слечь. По-видимому, он и сам искал выхода из создавшегося положения и готов был идти на компромисс во многом, но в одном он оставался непреклонен: в требовании разрыва с Потресовым. На это не пошел никто из остальных участников переговоров. Некоторые из них находили в статье А[лександра] Н[иколаевича] ряд недочетов... но никто из них и в отдаленной степени не был согласен с оценкой этой статьи Плехановым. Принести же А[лександра] Н[иколаевича] в жертву "плехановским ультиматумам", с которыми, по существу, они были и не согласны, никто из них не считал себя вправе. В конце ноября Плеханов уже заявлял: "Если меньшевизм не хочет отмежевываться от Потресова, я выступлю против меньшевизма"»⁸. После этого Г.В.Плеханов не только отказался от участия в 5-

⁵ Г.В.Плеханов Ю.О.Мартову (Цедербауму). 8 ноября 1908 г. (Цит. по: Потресов А.Н. Избранное. С.428). – В цитатах, здесь и ниже, курсив авторов.

⁶ Ю.О.Мартов А.Н.Потресову. 12 ноября 1908 г. (Цит. по: Урилов И.Х. История российской социал-демократии (меньшевизма). М., 2008. Ч.4. С.88, 89).

⁷ Павел Аксельрод, Юлий Мартов, Федор Дан (Гурвич) и Александр Мартынов (Пиккер).

⁸ Николаевский Б. А.Н.Потресов. Опыт литературно-политической биографии // Потресов А.Н. Избранное. С.428–429.

томнике, но и написал 5 января 1909 г. письмо в редакцию меньшевистской газеты «Голос социал-демократа» о своем выходе из нее.

Выход был продиктован не какими-то принципиальными соображениями, а явился следствием обиды Плеханова на отказ редакторов издания пойти ему на уступки и воспрепятствовать публикации в 5-томнике вышеупомянутой статьи Потресова. В середине декабря 1908 года в квартире Георгия Валентиновича в Женеве собрались Аксельрод, Дан, Мартов и Мартынов, чтобы уговорить хозяина не выходить из редакции «Голоса социал-демократа», поскольку она не имела никакого отношения к изданию многотомника и соответственно к статье Потресова. Кроме продолжения нервозности, эта встреча ничего не дала. Ведь еще в конце ноября Плеханов предупреждал, что встреча будет бессмысленной в случае публикации статьи Потресова. «Статья Потресова – это настоящий пасквиль на революционный марксизм. Появление в печати этого пасквиля было бы для меня равносильно объявлению мне войны. Я твердо решил поднять перчатку Потресова. Но с Потресовым под руку пойдут Дан и Мартов. Отсюда вывод. Если они согласились на напечатание статьи Потресова, то мне надо выйти из редакции "Голоса социал-демократа"... Всякие разговоры бесполезны: чем скорее мы разорвем, тем лучше»⁹.

Однако воспрепятствовать, под давлением Плеханова, публикации статьи Потресова тогда уже, помимо прочих соображений, и чисто технически было невозможно. «Обратился он к нам (членам редакции. – Э.К.) с этим требованием после того, как все статьи 1-го тома, включая и инкриминируемую им, были уже отпечатаны и со дня на день ожидался выход этого тома в свет, – т.е. в тот момент, когда устранение ее зависело уже, главным образом, от издателя и связано было для него с задержкой выпуска книги в свет, с материальными потерями и разными неприятностями. Следовательно, о том, чтобы попытка оказать на Потресова или на его товарищей по редактированию пятитомника требуемое Плехановым давление имела какой-нибудь успех, и думать было нечего. Кроме того, мы и по существу, по соображениям принципиального характера, не могли, не кривя душой и не насилюя своей совести, исполнить его требование, ибо оно, на наш взгляд, никоим образом не оправдывалось недостатками статьи Потресова, поскольку наличность таковых и признавалась некоторыми из нас. Объективного оправдания

⁹ Г.В.Плеханов П.Б.Аксельроду. 29 ноября 1908 г. (Цит. по: Урилов И.Х. Указ. соч. С.92–93).

для домогательств Плеханова она сама, своим содержанием и направлением, не давала»¹⁰.

Эти «домогательства» Плеханова после разрыва с «Голосом социал-демократа» были изложены им в «Дневнике социал-демократа», а также 30-страничной брошюре «О моем "секрете"», являвшейся приложением к №10 «Дневника» (февраль 1910 г.)¹¹. Делая упор на «ликвидаторстве» или «легализме» Потресова, Плеханов сообщал читателям, что еще в 1907 году в ходе Мангеймского съезда германской социал-демократии в частном разговоре с ним Александр Николаевич «отрицал идею партии». Потресов это утверждение Плеханова воспринял так, будто в Мангейме он сделал Георгию Валентиновичу признание, что «перестал быть социал-демократом», и отреагировал очень жестко. «Итак, Плеханов бросает мне вызов. Ну что же, я принимаю его вызов, и если раньше, в письме моем к Мартову, я ограничивал свою тяжбу с Плехановым предметом статьи, я уклонялся от определения того, каким настоящим именем назвать его ссылку на Мангейм, то теперь я готов с ним договорить до конца. Я заявляю, что Плеханов говорит заведомую неправду...». О своем будто бы «легализме» Потресов писал: «Вообще же мне думается: социал-демократу не пристало быть ни фетишистом легализма, ни фетишистом нелегальщины. Все зависит от обстоятельств времени и места, как любил повторять Чернышевский и как вслед за ним нам твердил столько лет Плеханов. ...Сегодня хорошо одно, а завтра, быть может, другое, а послезавтра – оба вместе. Это вопрос факта, вопрос практической целесообразности, но отнюдь не принципа»¹².

Упрекая Потресова за слишком большое внимание взглядам Струве и других «легальных марксистов» в ущерб анализу деятельности нелегальных марксистских организаций¹³, Плеханов сравнил его с теми средневековыми богословами, которые «подробно излагали мнения еретиков, но становились лаконичными и невразумительными, как только принимались за опровержение этих мнений»¹⁴. Потресов ответил:

¹⁰ Аксельрод П. Вынужденное объяснение. 1910 // Hoover Institution Archives (далее – HIA). Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

¹¹ HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

¹² Потресов А.Н. На суд гг. меньшевиков. 1910 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

¹³ В статье «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху».

¹⁴ Плеханов Г.В. О моем «секрете» // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

«Поставленный лицом к лицу с этой инсинуацией, я в свое время заявил, что порываю все сношения с Плехановым, – хотя порою мне просто хотелось посоветовать ему пойти полечиться. Но я тем не менее думал: за этими прелиминариями последует, наконец, и серьез, который должен же быть у этого потерявшего равновесие человека. Теперь-то я знаю, что это было с моей стороны не больше, как наивностью...». И в заключение: «Предоставляю... Плеханову самому назвать себя тем именем, которого он заслуживает... Мне же с этим человеком больше нечего делать...»¹⁵.

**Плеханов «никогда не был
близок по духу»
к меньшевикам**

После ухода Плеханова из «Голоса социал-демократа» его нападкам подверглись и редакторы этой газеты в частности, и все меньшевики вообще. Так, Н.Череванин (Федор Лип-

кин) заметил с иронией, что в данной ситуации Георгий Валентинович действовал «по принципу кровной мести, который состоит в том, чтобы мстить всем родным и друзьям "обидчика", так сказать, до десятого колена, или, если угодно, подобно тому гоголевскому персонажу, который, посылая крепкие слова по адресу всех родственников и свойственников своего врага, в восходящей и нисходящей степени, не щадил даже свойственников воображаемых: "а если есть зять, то чтоб и зятю!"...»¹⁶.

Среди прочего, Плеханов заявлял во время разгоревшегося конфликта в 1910 г., что он «никогда не был близок по духу» к меньшевикам, наткнувшись после этого на встречный укол Мартова, указавшего на «легкое порхание Плеханова от большевиков к меньшевикам, от последних к "не-фракционным" с[оциал]-д[емократам] и обратно»¹⁷. Редакция «Голоса социал-демократа» выпустила даже специальный листок, в котором ее члены и сотрудники решили дать ответ на озвученные в «Дневниках», а также брошюре «О моем "секрете"» «личные нападки, инсинуации и немотивированные обвинения в "ликвидаторстве" и "реви-зионизме"»¹⁸ со стороны Плеханова в их адрес.

¹⁵ Потресов А.Н. На суд тт. меньшевиков.

¹⁶ Череванин Н. Недреманное око т. Плеханова. 1910 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

¹⁷ Мартов Ю.О. Маленькие причины великой обиды. 1910 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

¹⁸ Необходимое дополнение к «Дневникам» Г.В.Плеханова. 1910 // HIA. Boris I. Nicolaevsky

При этом редакторы «Голоса социал-демократа» всячески подчеркивали, что для меньшевиков потеря Плеханова невелика и они ее вполне способны пережить. Вот что, к примеру, писал на этот счет Мартов: «Меньшевизм – это европейский социал-демократизм, и его торжество в русском рабочем движении обеспечено всем ходом социального развития России, непрерывность его развития обеспечена наличностью прочного слоя рабочих-марксистов, достаточно политически самостоятельных, чтобы не быть смущенными "поворотами" тех или других "вождей". Тридцатилетняя деятельность Г.В.Плеханова, как пропагандиста марксизма; его пятилетняя деятельность пропагандиста тактических воззрений меньшевиков много способствовали выработке такого слоя рабочих. Вот почему я, чтобы поддержать в глазах Плеханова свою репутацию человека всегда и ко всему "снисходительного", закончу выражением нашей общей благодарности Плеханову за то, что он помог передовым русским рабочим достичь той ступени, на которой они могут позволить себе роскошь сознавать себя правыми *"по Марксу"* даже *и против Плеханова*»¹⁹.

Несмотря на обилие критических стрел в адрес Плеханова, члены редакции «Голоса социал-демократа» все же дружно признавали на страницах своего листка его огромную роль и авторитет в российском социалистическом движении. Так, Мартынов в статье «В поисках за принципиальностью» назвал его «основателем социал-демократии», а Аксельрод в своем «Вынужденном объяснении» – «теоретическим главой русской социал-демократии». Речь в «Необходимых дополнениях», – говорилось в редакционной статье, – шла о человеке, у которого российские социал-демократы «учились принципиальности, о человеке, заложившем идейный фундамент, на котором построено здание русской социал-демократии». Тем не менее вывод статьи был неутешительным для Георгия Валентиновича. «"Меньшевизм", т.е. революционный марксизм на той стадии развития, когда и в России начали создаваться условия для построения с[оциал]-д[емократической] тактики на основе массового рабочего движения, – читаем мы в ней, – родился без Плеханова, пережил без него многие трудные минуты, переживает и эту»²⁰.

collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

¹⁹ Мартов Ю.О. *Маленькие причины великой обиды*.

²⁰ *Печальный рецидив. 1910 // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.*

**Потресов не причастен
«к ликвидаторству
и прочим ересям...»**

Много внимания на страницах «Необходимого дополнения к "Дневникам" Г.В.Плеханова» редакторы «Голоса социал-демократа» уделили и отстаиванию своей позиции отно-

сительно статьи Потресова из 5-томника. В частности, Мартов, тщательно проанализировав писания Плеханова на этот счет, не раз отмечал: Георгий Валентинович все же не смог в них доказать, что статья Потресова противоречила в чем-нибудь принципам марксизма, *«имеет какое-нибудь отношение к ревизионизму, ликвидаторству и прочим ересям...»*. Мнение Плеханова о статье Потресова сводилось к тому, что последний недостаточно высоко оценил роль революционного марксизма в истории развития российской общественной мысли. «Такой недооценки, – указывал Мартов, – я в статье Потресова не нашел и не нахожу». Таким образом, Юлий Осипович пришел к выводу, что содержанием своей брошюры «О моем "секрете"» Плеханов подтвердил: *«именно из-за недовольства тем, что редакция "Голоса" отказалась вмешаться в дела "пятитомника"»*, Плеханов разошелся с «Голосом», а вовсе не из-за «ликвидаторских» тенденций последнего в организационном вопросе, как он неоднократно впоследствии давал понять.

Неудовлетворение немотивированных литературских претензий Плеханова, – подчеркивал Мартов, – вот то обстоятельство, которое содействовало «просиянию его ума» относительно того, что он «никогда не был близок по духу» к меньшевикам». Юлий Осипович также напоминал Плеханову, что в качестве «легального марксиста» Потресов «вписал свое имя в историю русской революционной социал-демократии как человек, который в 1895 году убедил Г.В.Плеханова издать *легально* его известную книгу: "К вопросу о развитии монистического взгляда на историю", и издал эту книгу, равно как и его же книгу – "Обоснование народничества" и т.д. Я настаиваю на том, – заканчивал Мартов, – чтобы в "статейном списке" подсудимого было упомянуто, что он, таким образом, более всех виновен в том, что революционный марксизм уже за 10 лет до русской революции был вытащен из подполья и стал пропагандироваться "на людях"»²¹.

В «Вынужденное объяснение» с Плехановым вступил на страницах листка редакции «Голоса социал-демократа» и его близкий товарищ Аксельрод. Он напоминал читателям: статья Потресова возмущала Пле-

²¹ Мартов Ю.О. *Маленькие причины великой обиды*.

ханова тем, что в ней, по мнению последнего, слишком много места и внимания было уделено легальной марксистской литературе «в ущерб нашей нелегальной марксистской прессе или, точнее, произведениям Плеханова». В этом Георгий Валентинович и видел «явное и неопровержимое доказательство» того, что Потресов стоял на точке зрения «легального марксизма» и ревизионизма. Далее Аксельрод признавался, что, судя по прочитанным им первым главам и отрывкам из середины статьи Потресова, она и его «в некоторых отношениях не удовлетворяла», поскольку ему «также казалось, что историческое значение теоретической и публицистической деятельности Плеханова не получило в ней достаточно полного и яркого освещения». Однако, подчеркивал при этом Павел Борисович, «в противоположность Плеханову, я источник этих и подобных им недостатков статьи видел не в принципиальной *точке зрения* ее автора, а, как я писал Р.М.Плехановой²², в его "складе ума и литературном воспитании". Мне всегда казалось, что он, по своим умственным склонностям и вкусам, гораздо больше литератор, эстетик и психолог, чем политик. На подбор и освещение им идейного материала должно было непосредственно влиять и то обстоятельство, что первый период его литературной деятельности совпал с периодом борьбы легальной марксистской прессы за свое существование – с народниками и с полицейскими препятствиями. Он принадлежит к тем передовым представителям поколения марксистов 90-х гг., которые взяли на себя инициативу в деле завоевания марксизму в легальной прессе арены для широкой пропаганды»²³.

В своей переписке с Плехановым и его супругой Аксельрод заранее указывал на дезорганизаторский характер выхода Георгия Валентиновича из редакции «Голоса социал-демократа», которым он грозил в случае отказа оказать требовавшееся им давление на Потресова: «Но я все-таки не ожидал, – признавался Павел Борисович в постскрипуме к своему "Вынужденному объяснению", – что Плеханов сам возьмет на себя инициативу в деле использования своего разрыва с нами, как исходного пункта для внесения новой смуты в ряды партии, для усиления хаоса, и без того достаточно радикально губящего ее». И уж совсем не могло прийти в голову Аксельроду то, что Плеханов для сведения своих личных счетов с Потресовым и редакцией «Голоса социал-демократа»

²² Розалия Марковна – супруга Г.В.Плеханова.

²³ Аксельрод П.Б. *Вынужденное объяснение. 1910* // НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

будет использовать в печати подходивший для этого отрывок из частной переписки Павла Борисовича с ним и Розалией Марковной: «Ввиду моей двадцатипятилетней близости – не только официальной, партийной, но и личной – к нему и его семье, – писал Аксельрод, – мне незачем было в письмах к нему или к Р.М.Плехановой взвешивать каждое слово и заботиться о том, чтобы мои беглые и отрывочные замечания не вызвали недоразумения и не были ложно поняты. Я бы покраснел от стыда, если бы у меня в голове хотя на мгновение мелькнуло опасение, что столь старый и близкий мне товарищ, как Плеханов, может пустить эти замечания в обращение среди читателей, которые уже потому могут превратно понять их, что не имеют понятия о содержании *всей* переписки и не знакомы с обстоятельствами, вызвавшими ее. Какой пример вопиющего злоупотребления товарищеским доверием! Пусть Плеханов попытается только осмысленно представить себе, какие нравы, какой дух воцарились бы в нашей партийной среде, если бы его примеру последовали все товарищи»²⁴. После этого личные отношения между Аксельродом и Плехановым более никогда не возобновлялись.

«Святостью меньше всего отличался... Плеханов»

На то, что человеком Плеханов был отнюдь не идеальным, указывал также российский социал-демократ Николай Валентинов (Вольский).

«Позволю заметить, что предки-

"пионеры" все-таки не святые люди. И о них можно говорить не только в стиле акафистов. Святостью меньше всего отличался главнейший из пионеров – Г.В.Плеханов...». В его литературной и политической деятельности были «столь возмутительные (чисто большевистские) загибы и перегибы, что лишали его всякого авторитета. Его поведение и речи, например, в 1900 г. на совещаниях в начале организации "Искры" были таковы, что Аксельрод, Засулич, Потресов и Ленин решили о них молчать, скрывать, никому не говорить. О том, что тогда происходило, партийные люди могли узнать лишь 24 года спустя из опубликованной после смерти Ленина записки «Как чуть не погибла "Искра"», сделанной им немедленно после совещаний с Плехановым. Из участников этих совещаний в живых в 1932 г. оставался только А.Н.Потресов, и я спросил его – нет ли в записке Ленина искажений и преувеличений. В частности, точно ли он передал Плехановские слова о Бунде и неужели Плеханов

²⁴ Там же.

серьезно говорил, что "не колеблясь расстрелял бы" как "шпионов и изменников" Струве и Туган-Барановского, уходивших от ортодоксального марксизма. Потресов сначала ничего не хотел говорить. Это ему было явно неприятно. Но потом очень кратко сказал, что в записке Ленина нет никаких преувеличений, кое-что даже пропущено, а кое-что смягчено»²⁵.

Недопустимым считал Валентинов и поведение Плеханова в 1909–1911 гг. «Обозленный недостаточным прославлением его заслуг в статье Потресова в "Общественном движении в начале XX века", Плеханов стал его преследовать. Он называл Потресова "Иудой Искаротом"... Параллельно нападкам на Потресова Плеханов бросал оскорбления и обвинения против меньшевиков вообще, говоря, что при Столыпине они хотят быть "социал-демократическими октябристами". Из злобы к Потресову и в пику меньшевикам, – писал Валентинов в одной из статей, – Плеханов перебрался в сторону Ленина и начал вместе с ним в ленинской прессе большевистски восхвалять старое заговорщическое подполье, тяжкие и отрицательные стороны которого он сам раньше критиковал. Все было им пущено в ход, писал Потресов, "заведомая неправда, замалчивание неприятных цитат, увертка, дешевый софизм, сознательное искажение мнения противника". Потресов, в молодости влюбленный в Плеханова, многое ему прощал, на многое закрывал глаза и уши. Это он издал в 1895 г. на свои средства прославленное произведение Плеханова-Бельтова. Весьма возможно, что без Потресова оно и на свет не появилось. Но этот Потресов, с его постоянным "староверческим" чувством политического родства, человек большой культуры, всегда корректный, джентльменски сдержанный, потерял терпение и, отвечая Плеханову, заявил в "Нашей Заре" (1913. №4–5): "свой окончательный разговор с Плехановым я поведу на суде, который, надеюсь, организуется представителями международного социализма, и положу, наконец, предел разврату, вносимому Плехановым в российскую социал-демократию"»²⁶.

В июне 1913 г. Потресов вместе с Аксельродом, Мартыновым и другими поставил свою подпись под заявлением в Международное социалистическое бюро с целью привлечь Плеханова к суду II Интернационала за его кампанию против так называемых «ликвидаторов». Они требовали осуждения Плеханова за дискредитацию меньшевизма, считая это тем более морально недопустимым, что в недавнем прошлом он сам

²⁵ Валентинов Н. Пропаганда и история // HIA. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 279. Box 662. Folder 10.

²⁶ Там же.

высказывал подобные взгляды и «от них нигде и никогда публично не отрекался»²⁷.

«Потресов... все ему простил» Но суду этому не суждено было состояться, поскольку разразилась мировая война «и его погребла». «Во время войны Потресов и Плеханов защищали почти аналогичную оборонческую политику, – писал Валентинов. – Солидаризируясь с ним в этом самом большом вопросе, Потресов забыл все нападки на него Плеханова, все ему простил. Не таков был Плеханов. Когда он жил у нас в Москве в августе 1917 г., не трудно было заметить, что в его отзывах о Потресове живет прежняя ненависть»²⁸.

Тем не менее в конце лета 1917 г. член Центрального Комитета группы «Единство» Анатолий Браиловский посетил Потресова и спросил его, «не думал ли он, что настало время правым с[оциал]-д[емократам] оборонцам наконец столкнуться с Плехановым об общей нашей борьбе с б[ольшевиками] и интернационалистами». Ответ Александра Николаевича, который и сам думал об этом, был утвердительным, и вскоре Браиловский сопроводил к Плеханову группу меньшевиков в составе самого Потресова, а также его единомышленников Ивана Кубикова (Дементьева), Минея Хейсина и Бориса Кольцова (Гинзбурга). Плеханов обрисовал на этом совещании критическое положение страны и закончил заявлением, что в данном отношении у «единцев» с присутствовавшими «как будто разногласий нет». В свою очередь, Потресов и его сподвижники, демонстрируя готовность и способность вести уважительный диалог, ему не возражали. В результате совещания, вспоминал Браиловский, «наша работа была объединена с деятельностью с[оциал]-д[емократов] м[еньшеви]ков оборонцев, но вскоре оборвалась восстанием большевиков»²⁹.

Если и оборвалась, как это утверждал Браиловский, то совсем ненадолго. В частности, 3 ноября 1917 года на заседании Бюро Избирательного комитета меньшевиков-оборонцев было принято предложение ЦК группы «Единство» устроить совместное собрание «плехановцев» и

²⁷ Цит. по: Урилов И.Х. Указ. соч. С.75.

²⁸ Валентинов Н. Указ. соч.

²⁹ Браиловский А. Г.В.Плеханов в русской революции. (Из воспоминаний) // НИА. Boris I. Nicolaevsky collection. Series 130. Box 201. Folder 4.

«потресовцев» для координации действий. 18–19 ноября 1917 г. представители «Единства» присутствовали на Петроградской конференции меньшевиков-оборонцев. На заседании столичного комитета меньшевиков-оборонцев 12 декабря по вопросу о взаимоотношениях с «Единством» Бюро этого комитета было поручено окончательно выяснить условия слияния и – в случае согласия членов «Единства» на вступление – допустить в Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев 2–3 «единцев» с совещательным голосом. А на состоявшемся спустя 2 дня заседании Бюро Комитета меньшевиков-оборонцев Борису Кольцову и Моисею Бабину было поручено выяснение до следующего собрания комитета вопроса о позиции «Единства», а также приглашение на его заседание представителя столичного комитета «единцев». На заседании же 23 декабря Петр Голиков был избран представителем Комитета меньшевиков-оборонцев для участия в Петроградской городской конференции «Единства»³⁰.

На расширенном заседании Петроградского комитета меньшевиков-оборонцев 6 января 1918 г. было решено принять участие в организовывавшейся совместно с представителями «Единства» газете, а переговоры по этому поводу поручено вести Кольцову и Голикову. Делегаты состоявшейся через неделю Петроградской конференции меньшевиков-оборонцев, заслушав сообщение своего столичного комитета о предстоявшем в скором времени выходе газеты «Начало»³¹, приняли резолюцию, где всячески приветствовали создание такого объединенного органа и пообещали ему самую горячую поддержку, увидев в нем «первый камень будущего объединения марксистских элементов партии». Помимо «потресовцев» Бориса Батурского (Цейтлина), Анатолия Дюбуа и Павла Колокольниковца, в редакцию нового издания были включены «единцы» Плеханов, Любовь Гирш-Аксельрод и Константин Фельдман. К сожалению, Георгий Валентинович писать для этой газеты уже ничего не мог. Но он, по мере возможности, благодаря усилиям своих петроградских почитателей супругов Касьяк, навещавших Плехановых в Питкеярви, следил за деятельностью «Начала», был доволен появлением этой газеты, считал, что там имелись хорошие статьи, выделяя при этом понравившиеся ему публикации Л.Гирш-Аксельрод и В.Засулич³². В

³⁰ См.: *Меньшевики в 1917 году*. М., 1997. Т.3. Ч.2. С.285, 324, 540–541, 544.

³¹ *Орган социал-демократов-оборонцев, в состав редакции которого должны были войти и представители «Единства»*,

³² См.: *Год на Родине. Из воспоминаний Розалии Плехановой* // *Диалог*. 1991. №13. С.101–

1918 году имена Плеханова и Потресова стояли также рядом в составе редакции социал-демократического оборонческого журнала «Дело». Кроме того, статьи в этом «потресовском» журнале публиковали тогда соратники Георгия Валентиновича по группе «Единство» Пантелеймон Дневницкий (Федор Цедербаум) и Валериан Чернышев.

В связи с созывавшимся 22 января 1918 г. общегородским собранием «Единства», Петроградский комитет меньшевиков-оборонцев 20 января принял решение делегировать туда с информационными целями Николая Чернова и Моисея Бабина. И, наконец, согласно материалам собрания Петроградской организации оборонцев 3 февраля 1918 года, в докладе Владимира Икова там, среди прочих, затрагивался вопрос о постепенном слиянии на местах с группой «Единство»³³.

**«Плеханов воскреснет
в сознании России...»**

И уже после смерти Плеханова в вышедшем в июне 1918 г. 12-м номере «Былого» Потресов напишет о своем бывшем оппоненте и соратнике: «В непогоду войны и революции

Плеханов говорил об общенациональной работе государственного строительства. Плеханов говорил о защите страны от врага, угрожающего ее независимости. Он говорил то, что было естественным резюме его жизни, итогом, кульминационной точкой всей его деятельности. Никогда Плеханов не был так велик, никогда Плеханов не доказал в такой степени своего политического ясновидения, как в эти страшные, ответственные дни... И никогда не был он таким одиноким, непризнанным, отвергнутым теми людьми, которые в течение долгих лет, даже десятилетий, шли за ним как за своим вождем и учителем... Именно в эти дни войны и революции, казалось бы, Плеханов должен был бы собрать жатву всей своей жизни – оценку со стороны нации, и прежде всего любовь со стороны того самого рабочего класса, которому он, как никто, указал его историческое место в процессе освобождения России от гнета царизма. И, однако, вместо триумфа – положение изгоя, зачумленного, ненавидимого даже своими вчерашними единомышленниками...»³⁴.

102; *Меньшевики в большевистской России. 1918–1924 // Меньшевики в 1918 году / Отв. ред. З.Галили, А.Ненароков. М., 1999. С.143.*

³³ См.: *Меньшевики в 1918 году. С.98, 143, 187, 250.*

³⁴ *Потресов А.Н. Посмертный сборник произведений. Париж, 1937. С.288–289.*

Ответ на вопрос, по каким причинам это произошло, заключался, по мнению Потресова, «в катастрофе, которая постигла страну, родившую Плеханова». «Россия потому не признала Плеханова, – писал Александр Николаевич, – что она не признала, не нашла в себе достаточно сил и достаточно понимания для национального движения, которое бы могло ее спасти, которое бы разрешило задачу создания России свободной, независимой и развивающей свои производительные и свои духовные силы». Разрыв России с Плехановым в глазах Потресова был «не чем другим, как символическим выражением того, что победа в борьбе Азии с Европой, которая по мысли Плеханова наполняла собою последние века существования России, одержана русской внутренней Азией. Победила, мы верим временно Азия, и тем открыла двери в Россию не демократической Европе, а Европе империалистической, Европе Вильгельма и Гинденбурга; не Европе, цивилизующей отсталую страну, а Европе, ее колонизирующей и обращающей в рабство...». Россия как «кандидатка в колонию, кандидатка в рабы», прошедшая через «большевистскую ликвидацию демократических и созревшая для реставрации», – это «не Россия Плеханова, это Россия, с которой всю свою жизнь боролся Плеханов, и что же удивительного, что, справляя сейчас свое торжество над другой – плехановской – Россией, она сметает со своего пути ее самого блистательного выразителя и своего злейшего антагониста»³⁵.

Смысл исторического существования Плеханова как русского деятеля заключался, на взгляд Потресова, в том, что «нашей внутренней катастрофой всемерно отрицается»: «Плеханов на общественной сцене явился тогда, когда наметился в ней перелом от Азии к Европе и когда соответственно выраставшим в недрах России новым общественным формированием ощутилась потребность и в области идеологии, и в области практического движения зафиксировать этот переход на путь решительной и бесповоротной европеизации...». Тогда и раздался, как символ этого зревшего процесса, голос Плеханова, который сказал, отмечал Потресов, что «путь России – это путь капитализма...»: «Это, стало быть, и утверждение взаимозависимости тех двух враждебных друг другу частей России – либерально-буржуазной и демократически-социалистической, которые умели до тех пор друг с другом только воевать, но не умели совместно добиваться цели, одинаково необходимой обеим. ...Плеханов обоих непримиримых антагонистов подвел друг к другу. Он социалистической демократии показал, что ей предстоит неиз-

³⁵ Потресов А. Историческая роль Плеханова // Дело. 1918. №11–12. 26 (13) июня. С.2.

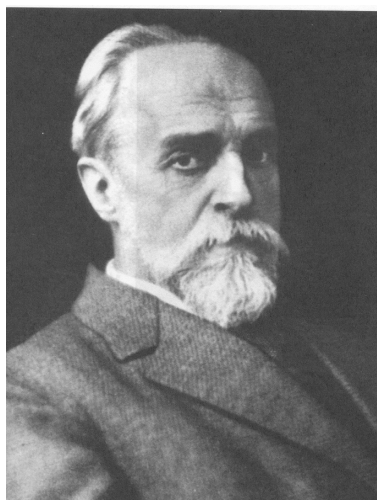
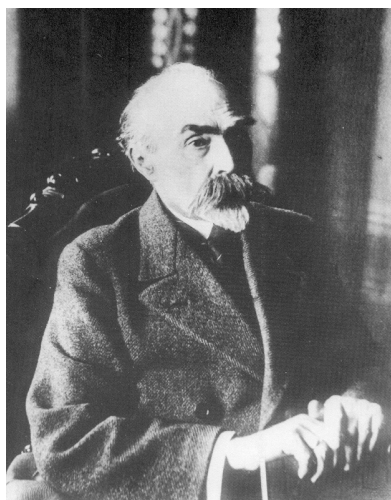
бежно пройти через конституционную борьбу, через общую совместную работу с ее классовым и политическим противником. Он либерализму в свою очередь поведал ту ему неприятную истину, что политической свободы не добиться без самой энергичной поддержки со стороны социалистической демократии в лице рабочего класса России». Плеханов впервые «враждующим классовым частям России указал... общее дело, он впервые не из доброго пожелания, а из непреложных условий общественного развития России вывел эту объединяющую классовых антагонистов единую задачу России». Именно в этом и заключалось, по мнению Потресова, «историческое для России, если угодно – национальное, значение Плеханова»³⁶.

Если на заре своей юности, отмечал также Потресов, молодой Плеханов «был вестником русской Европы и, как таковой, победил нашу Азию в лице ветхозаветного полуанархического, полуюкобинского народничества, то на склоне его дней умирающего Плеханова доконал воскресший в лице Ленина анархист Бакунин; русская будто бы коммунистическая Азия, означавшая крушение капитализма в России, дала свой реванш – российской Европе – и ей в этом помогла Европа германских империалистов». Плеханов «погиб», потому что в России временно восторжествовала Азия: «Но Плеханов воскреснет, – выражал уверенность Потресов, – в сознании России, он будет в нем жить, если только суждено воспрянуть для жизни и всей великой России. ...Тогда русская Европа, раздавившая русскую Азию, водрузит своему великому европейцу достойный его памятник»³⁷.

Таким образом, Плеханов, Потресов и их единомышленники, движимые чувством патриотизма и заботой о национальных интересах государства, сумели во второй половине 1917 – начале 1918 года в интересах политической целесообразности продемонстрировать в наизидание потомкам образец способности в трудные для страны времена войны и революции, несмотря на болезненность личных обид прошлых лет, переступить через них и заключить в интересах Отечества этот оборонческий альянс. Хороший образец и для многих современных политиков того, насколько важно и полезно вести уважительный диалог между представителями различных политических сил ради достижения общих целей.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С.3.

Слева Георгий Валентинович Плеханов (фотография 1917 г.),
справа Александр Николаевич Потресов (фотография 1925 г.).